

САРА МАКЛЕЙН
ДВЕ НЕДЕЛИ
НА СОБЛАЗНЕНИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Sarah Maclean

ELEVEN SCANDALS TO START
TO WIN A DUKE'S HEART

Перевод с английского *М. А. Комцян*
Компьютерный дизайн *С. П. Озерской*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg

Маклейн, Сара.

М15 Две недели на соблазнение : [роман] / Сара Маклейн ; [пер. с англ. М. А. Комцян]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-093918-3

Прекрасная Джулиана Фиори, своенравная и взбалмошная, снова и снова шокирует лондонский свет. Она не скрывает ни своих мыслей, ни убеждений, становится причиной скандалов и привлекает внимание всех мужчин... кроме одного.

Саймон Пирсон, герцог Лейтон, безупречный джентльмен. Уж он не допустит, чтобы его репутацию запятнали скандальные сплетни! Однако красавица итальянка врывается в его жизнь, словно буря, и Пирсон вынужден признать очевидное: он влюблен. Влюблен страстно, неистово. И хотя Джулиана намерена провести с ним лишь две недели, у герцога совсем другие планы...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Sarah Trabucchi, 2013

© Перевод. М.А. Комцян, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-093918-3

Глава 1

Деревья — не что иное, как покров для скандального поведения. Утонченные леди остаются в помещении после наступления темноты.

«Трактат о правилах поведения истинных леди»

Мы слышали, что листья не единственное, что падает в садах.

«Бульварный листок».
Октябрь 1823 года

Оглядываясь назад, мисс Джулиана Фиори думала о том, что ей в тот вечер не следовало делать... кое-что. Во-первых, ей, пожалуй, не стоило, поддаваясь порыву, покидать осенний бал и выходить в слабо освещенный сад Ралстон-Хауса. Во-вторых, по-видимому, следовало бы остановиться и подумать, когда тот же порыв увлек ее в глубину сада по темным дорожкам, которые отмечали внешние границы дома брата. В-третьих же, ей почти наверняка надо было вернуться в дом, как только она наткнулась на лорда Грейбхема, — тот был навеселе, едва держался на ногах и говорил нечто... совершенно неджентльменское. И уж конечно, ей не следовало бить его.

И не важно, что он схватил ее своими лапами и притянул к себе, обдавая горячим, пропитанным скотчем дыханием, очевидно, решив, что это ей понравится, как якобы понравилось бы ее матери.

Ей следовало знать, что леди не дерутся. По крайней мере английские леди.

Джулиана увидела, как этот горе-джентльмен взвыл от боли, выхватил из кармана носовой платок и прижал его к носу, испачкав белоснежный батист алой кровью. И она замерла, охваченная ужасом. Ведь об этом непременно станет известно, и это непременно станет очередным «скандальным случаем».

Но что она могла поделать? Позволить ему лапать ее и ждать, когда какой-нибудь рыцарь примчится на помощь? Увы, в саду в такой час рыцари встречаются гораздо реже, чем такие, как этот...

Но, с другой стороны, она ведь сама только что подтвердила все сплетни о ней. И ей никогда не стать одной из них.

Джулиана подняла глаза на темные кроны деревьев. Шелест листьев высоко над головой еще минуту назад обещал ей передышку от неприятной атмосферы бала. Теперь же этот шелест, казалось, насмеялся над ней — ей уже чудилось эхо шепотков по всему Лондону.

— Ты ударила меня! — Вопль толстяка был слишком громким и гнусавым.

— Еще хоть раз приблизишься ко мне — и снова получишь, — ответила Джулиана.

Он не сводил с нее глаз, утирая кровь. Злость в его взгляде Джулиана уловила безошибочно, так как знала эту злость и знала, что она означает, поэтому приготовилась к тому, что последовало.

— Ты об этом пожалеешь! — Грейбхем шагнул к ней. — Я заставлю всех поверить, что это ты завлекла меня сюда, как какая-нибудь шлюха, каковой ты, собственно, и являешься.

Отступив на шаг, Джулиана покачала головой:

— Нет, ошибаешься. — Она вздрогнула от того, как отчетливо прозвучал ее итальянский акцент, а она ведь так упорно работала над тем, чтобы избавиться от него. — Тебе не поверят. — Эти ее слова прозвучали неубедительно даже для нее самой. Конечно же, ему поверят!

Словно прочитав ее мысли, он злобно хохотнул.

— Не думаешь же ты, что поверят тебе, девице сомнительного происхождения, которую терпят только потому, что ее брат — маркиз. И даже брат не поверит тебе. Какая мать, такая и дочь. Яблоко от яблони...

«Какая мать, такая и дочь». Слова эти как удар, которого ей никогда не избежать, как бы она ни старалась.

— Тебе не поверят! — повторила она, вскинув подбородок. — Потому что никто не поверит, что я могла захотеть тебя, рогсо.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы перевести с итальянского на английский и понять оскорбление, понять, что его обозвали свиньей. Грейбхем рассвирепел и выбросил вперед свою жирную руку с короткими и толстыми, словно сосиски, пальцами. Он был ниже девушки ростом, но компенсировал это грубой силой — обхватив ее запястье, крепко сжал его, оставляя синяки. Джулиана вскрикнула от боли. И тотчас, действуя инстинктивно, вскинула вверх колено, безошибочно попав в цель.

Грейбхем взвыл от боли и разжал пальцы. А Джулиана, резко развернувшись и подхватив юбки своего переливающегося зеленого платья, помчалась через сад, держась в стороне от яркого света, льющегося из огромного бального зала. Она понимала: если ее увидят выбегающей из темноты, то будет ничуть не лучше, чем если ее поймает этот мерзкий Грейбхем; она уже слышала, как он бежит за ней, громко пыхтя и отдуваясь.

Звуки погони подстегнули ее, и она выскочила через боковую садовую калитку во двор, примыкавший к Ралстон-

Хаусу, — там в длинный ряд выстроились экипажи, ожидающие своих хозяев.

Тут Джулиана вдруг наступила на что-то острое и, споткнувшись, упала, ободрав ладони о шершавые булыжники. Тяжко вздохнув, она пожалела о своем решении снять перчатки, которые были на ней в бальном зале, — ведь лайка, пусть и тонкая, все же сберегла бы ей несколько капель крови в этот вечер. Железная калитка с лязгом захлопнулась позади нее, и она секунду помедлила, надеясь, что этот громкий звук привлечет чье-либо внимание. Осмотревшись, она увидела кучеров, поглощенных игрой в кости в дальнем конце аллеи, но им, казалось, не было до нее никакого дела. Оглянувшись, Джулиана увидела тушу Грейбхема, приближающуюся к калитке; он несся на девушку словно бык на красную тряпку, и она поняла, что кареты — ее единственная надежда на спасение.

Тихо чертыхнувшись по-итальянски, Джулиана проскользнула под массивными головами двух огромных вороных коней и прокралась вдоль ряда экипажей. Тут калитка распахнулась, затем с лязгом захлопнулась, и девушка замерла, прислушиваясь. Но ей не удалось ничего услышать из-за громкого стука собственного сердца. Чуть помедлив, она тихонько открыла дверцу внушительного вида экипажа и вскочила в карету без помощи подножки. Услышав треск рвущейся ткани — ее платье зацепилось за что-то, — Джулиана дернула за юбки, втащив их в карету, и, схватившись за дверцу, прикрыла ее за собой как можно осторожнее. После чего, затаив дыхание, стала прислушиваться.

Вскоре несколько мужских голосов нарушили тишину, а затем карета покачнулась под весом кучера, взбирающегося на козлы.

«Вот тебе и спряталась», — подумала Джулиана. Она изрыгнула сочное словцо на своем родном языке и прикинула, какой у нее имелся выбор. Грейбхем, возможно, находился

где-то рядом. Но не могла же она прибыть к парадному входу особняка брата в карете, принадлежащей бог знает кому... Приняв решение, Джулиана потянулась к ручке на двери и приготовилась, выскочив из кареты, скрыться в спасительной темноте.

Но тут карета тронулась с места, и теперь о побеге не могло быть и речи.

Правда, в какое-то мгновение Джулиана все-таки хотела открыть дверцу и выпрыгнуть. Но даже она не была настолько безрассудна — умирать ей совсем не хотелось. Осмотревшись, она осознала, что лучший для нее выход — остаться на полу и ждать, когда карета остановится. Как только это произойдет, она сможет выбраться через дальнюю от входа дверцу. И тогда ее, возможно, никто не увидит. Ведь хоть в чем-то должно же ей сегодня повезти. Наверняка у нее будет несколько секунд на то, чтобы скрыться, пока аристократы спускаются по лестнице.

Она сделала глубокий вдох, когда карета остановилась. Приподнявшись, потянулась к ручке и приготовилась выпрыгнуть. Но тут дверца кареты вдруг распахнулась, и Джулиана увидела высокого широкоплечего мужчину, стоявшего прямо перед ней.

Яркий свет, льющийся из окон Ралстон-Хауса, освещал его со спины, так что лицо оставалось в тени, но невозможно было не заметить, как яркий желтый свет падает на копну золотистых волос, что делало его похожим на падшего ангела, которого изгнали из рая, но нимб оставили.

Увидев Джулиану, он немного прикрыл дверцу, чтобы никто другой ее не заметил, а потом, осмотревшись, забрался в экипаж.

«Уж лучше бы я рискнула остаться с Грейбхемом», — в панике подумала Джулиана, ибо менее всего в этот момент она хотела остаться наедине с этим несносным герцогом Лейтоном. Но, увы, сегодня буквально все складывалось против

нее — дверца тотчас захлопнулась, и они с герцогом остались одни.

Отчаяние подтолкнуло девушку к действию, и она стала сдвигаться к ближайшей дверце, собираясь сбежать. Пальцы ее нащупали ручку, и тотчас же послышался голос:

— На вашем месте я бы этого не делал.

Невозмутимость тона обдала ее холодом, а ведь было время, когда Лейтон не вел себя с ней столь отчужденно. До того, как она поклялась никогда больше не разговаривать с ним.

— Я, конечно, благодарна за совет, ваша светлость, — заявила Джулиана. — Но вы уж простите меня, если я ему не последую.

Она стиснула ручку и наклонилась, чтобы поднять задвижку. Но герцог словно молния метнулся к ней и без видимых усилий удержал дверцу.

— Это был не совет. — Он дважды постучал по потолку кареты, экипаж тут же пришел в движение.

Джулиана помянула недобрым словом всех вышколенных кучеров — повалившись на пол, она запуталась в юбках и еще сильнее порвала свое атласное платье. Она поморщилась, услышав треск рвущейся ткани, и с тоской провела грязной ладонью по дороговому ярко-зеленому материалу.

— Мое платье испорчено... — пробормотала она, как бы намекая, что герцог имел к этому самое прямое отношение. «Ему не обязательно знать, что платье было испорчено задолго до того, как я забралась к нему в карету», — решила девушка.

— Что ж, я мог бы назвать ряд путей, которые не привели бы вас к этой трагедии сегодняшним вечером. — В его тоне не было ни капли раскаяния.

— У меня не было выбора, — заявила Джулиана и тут же возненавидела себя за то, что сказала это.

Герцог резко повернулся к ней как раз в тот момент, когда серебристый луч света, отбрасываемый фонарным стол-

бом, проник через окно кареты, ярко и отчетливо высветив его черты. Но Джулиана старалась не замечать его, старалась не обращать внимания на то, что весь его облик указывал на благородное воспитание и аристократическое происхождение. У него был крупный и прямой патрицианский нос, а его высокие скулы, наверное, очень бы подошли женщине, хотя ему, похоже, лишь придавали еще больше мужской красоты.

— Не было выбора? — Лейтон усмехнулся. — Наверное, трудно оправдывать такую репутацию, как ваша, — добавил он неожиданно.

Джулиана в гневе отшатнулась от него, хотя она давно уже привыкла к оскорблениям и всевозможным измышлениям, порождаемым тем, что она — дочь коммерсанта и падшей английской маркизы, бросившей мужа и сыновей. Более того, ее мать отвергла и лондонский высший свет — то был, наверное, единственный из материнских поступков, за который Джулиана испытывала к ней малую толику восхищения. И ей очень хотелось сказать им всем, куда они могут засунуть свои аристократические правила. В том числе и герцогу Лейтону, самому худшему из всей этой компании. Хотя поначалу он таким не был.

— Я бы хотела, чтобы вы остановили карету и выпустили меня, — сказала Джулиана.

— Все пошло не так, как вы планировали?

— Как я... планировала?

— Полно, мисс Фиори. Думаете, я не знаю, какую игру вы затеяли? Вас обнаруживают в моей пустой карете, и это идеальное место для тайного свидания у дома вашего брата во время одного из самых посещаемых светских раутов.

Ее глаза расширились.

— Так вы думаете, что я...

— Нет, не думаю, а точно знаю: вы пытаетесь поймать меня в брачную ловушку. И этот ваш замысел, о котором ваш недалновидный брат, полагаю, не имеет представления, мог

бы увенчаться успехом, если бы на моем месте оказался кто-нибудь поглупее. Но уверяю вас, со мной такой номер не пройдет. В состязании репутаций я, несомненно, выиграю. В сущности, я бы спокойно позволил вам погубить себя там, перед Ралстон-Хаусом, если бы, к несчастью, не был в данный момент в долгу у вашего брата. Вы вполне заслужили это за тот глупый фарс, который устроили.

Голос его был спокойным и твердым, словно она, Джулиана, просто мелкое неудобство, незначительная помеха, как муха в чае, например.

«Заносчивый и самонадеянный осел!» — мысленно воскликнула Джулиана, скрипнув зубами от злости и негодования.

— Знай я, что это ваша карета, я бы бежала от нее как от чумы.

— Тогда удивительно, что вы умудрились не заметить большой герцогский герб на дверце.

О, этот человек просто невыносим!

— В самом деле удивительно. Потому что я уверена: герб на дверце вашей кареты соперничает в размерах с вашим самомнением! Заверяю вас, ваша светлость, — Джулиана выплюнула почтительное обращение, как какое-нибудь бранное слово, — если бы я охотилась за мужем, то искала бы того, в ком есть нечто большее, чем громкий титул и непомерно раздутое самомнение. — Она услышала дрожь в своем голосе, но уже не могла остановиться. — Вы так кичитесь своим титулом и положением, что просто удивительно, как вы до сих пор не велели вышить серебряной нитью слово «герцог» на всех своих плащах и сюртуках. Вы так себя ведете, что можно подумать, будто вы и в самом деле заслужили то уважение, которое вам оказывают, а не просто родились в правильное время от правильного мужчины, который, полагаю, сделал свое дело точно так же, как и все остальные мужчины, то есть без особого мастерства. — Она замолчала, и только потом до

нее дошло, что в какой-то момент во время своей тирады она перешла на итальянский. Оставалось лишь надеяться, что герцог ее не понял.

Воцарилось тягостное молчание, словно огромная зияющая пропасть, угрожающая ее рассудку. И тут карета вдруг остановилась.

Несколько бесконечно долгих мгновений герцог сидел как каменное изваяние. Наконец распахнул дверцу и отчетливо проговорил:

— Выходите из кареты. — Он сказал это по-итальянски.

Что ж, прекрасно. И она вовсе не собирается извиняться. Особенно после всех тех ужасных слов, что он ей наговорил. А если он намерен вышвырнуть ее из кареты, то так тому и быть. Она пойдет домой пешком. С гордо поднятой головой. Возможно, кто-нибудь сможет указать ей правильное направление.

Джулиана поспешно выбралась из экипажа и повернулась, ожидая, что дверца за ней захлопнется. Но герцог вдруг вышел вслед за ней и, не обращая на нее внимания, стал подниматься по ступенькам дома. Парадная дверь открылась еще до того, как он ступил на верхнюю ступеньку. Когда же он вошел в ярко освещенный холл, навстречу ему радостно выбежал огромный пес.

«Ну вот... А еще говорят, что животные чувствуют зло», — подумала Джулиана и усмехнулась при этой мысли. Внезапно герцог повернулся к ней и сказал:

— Заходите же, мисс Фиори. Не испытывайте мое терпение.

Джулиана хотела ответить, но герцог уже исчез из виду. И она, избрав путь наименьшего сопротивления, вошла в дом. Дверь за ней закрылась, и слуга поспешил следом за своим хозяином. Джулиана же, задержавшись в ярко освещенном холле, разглядывала мраморный пол и зеркала на стенах, благодаря которым и без того просторный холл казался прос-

то огромным. Тут было с полдюжины дверей, ведущих в разные стороны, а также длинный узкий коридор, который уходил в глубь дома.

Пес сидел у подножия широкой лестницы, ведущей на верхние этажи особняка, и под безмолвным собачьим взглядом Джулиана вдруг со смущением и неловкостью осознала тот факт, что находится в доме мужчины.

Без сопровождения.

Если не считать собаки.

Которая, как уже обнаружилось, плохо разбиралась в людях.

Калли бы такого не одобрила. Невестка особо предупреждала ее, чтобы избегала подобных ситуаций. Она боялась, что мужчины могут воспользоваться неопытностью юной итальянки, плохо разбирающейся в правилах и моральных нормах высшего британского света.

— Я отправил записку Ралстону, чтобы приехал и забрал вас. Вы можете подождать в...

Джулиана вскинула глаза, когда герцог вдруг замолчал, ей показалось, что он задумался о чем-то неприятном.

— Так где же? — спросила она.

А он быстро приблизился к ней и пробормотал:

— Боже милостивый... Что с вами произошло? Кто-то напал на вас?

Через несколько минут — они уже находились в кабинете герцога — он плеснул на два пальца скотча в хрустальный стакан и протянул его девушке. Но она покачала головой:

— Нет, благодарю.

— Вам надо выпить. Увидите, это успокаивает.

— Меня не нужно успокаивать, ваша светлость.

Лейтон взглянул на нее, прищурившись.

— Вы отрицаете, что кто-то напал на вас?

Джулиана небрежно пожала плечиком, по-прежнему оставаясь спокойной. Ну что тут скажешь? Ведь что бы она ни

сказала, сказанное обернется против нее. Лейтон тут же заявит своим не терпящим возражений надменным тоном, что если бы она была настоящей леди, если бы больше заботилась о своей репутации, если бы вела себя как англичанка, а не как итальянка, то ничего этого не случилось бы. Так он говорил ей с той самой минуты, как узнал, кто она такая.

— А какое это имеет значение? Ведь вы, ваша светлость, решите, что я подстроила все это, чтобы поймать в свои сети мужа. Или скажете еще что-нибудь столь же нелепое.

Она намеревалась этими словами поставить его на место, но не вышло. Герцог окинул ее долгим холодным взглядом — ее лицо, руки, покрытые царапинами, а также испорченное платье, разорванное в двух местах, — и ей показалось, что он презрительно усмехнулся. Не удержавшись, Джулиана добавила:

— Похоже, я в очередной раз доказала, что недостойна вашего общества, не так ли?

Она прикусила язык, пожалев, что эти слова вырвались у нее. А он тихо сказал:

— Я этого не говорил. — Тут в полуоткрытую дверь кабинета кто-то постучал, и герцог рывкнул: — В чем дело?!

— Я принес то, что вы просили, ваша светлость.

Слуга прошаркал в комнату с подносом, нагруженным небольшим тазиком, бинтами и какими-то баночками. Поставив свою ношу на ближайший стол, он низко поклонился.

— Это все, — процедил Лейтон.

Слуга снова поклонился и вышел. Герцог же направился к подносу и, взяв полотенце, обмакнул один его край в воду в тазу.

— Вы не поблагодарили его, — заметила девушка.

Герцог взглянул на нее с удивлением.

— Сегодняшний вечер не настроил меня на благодарственный лад.

Услышав в этих словах обвинение, Джулиана проговорила:

— Тем не менее он оказал вам услугу. — Она помолчала для пушего эффекта. — Не благодарить его — очень с вашей стороны... невоспитательно.

Прошла секунда-другая, прежде чем герцог понял, что она имела в виду.

— Невоспитанно? Вы это хотели сказать?

Она взмахнула рукой.

— Ну... все равно. Другой человек поблагодарил бы.

Лейтон направился к ней.

— Вы имели в виду — лучший человек?

Джулиана распахнула глаза, изобразив невинность.

— Нет, Боже сохрани! Вы же герцог, в конце концов. Конечно же, лучше вас нет никого.

Эти ее слова были прямым выпадом, и после всех тех ужасных слов, которые он наговорил ей в карете, совершенно обоснованным.

— Другая женщина сообразила бы, что она у меня в долгу, и была бы осторожнее в своих речах.

— Вы имели в виду — лучшая женщина?

Он не ответил. Сев напротив нее, сказал:

— Дайте ваши руки.

Джулиана нахмурилась, прижав руки к груди.

— Зачем?

— Они у вас ободраны и кровоточат. Их нужно промыть.

Она не хотела, чтобы он дотрагивался до нее. Не доверяла себе.

— С ними все в порядке.

— Значит, то, что говорят про итальянцев, правда, — проворчал Лейтон.

В этих словах ей почудилось оскорбление, и она буркнула:

— Вы о чем?

— О том, что вы никак не желаете признавать свое поражение.

— Черта характера, которая очень неплохо послужила Цезарю.

— И как же поживает нынче Римская империя?

От этого его тона превосходства у нее возникло желание закричать, обозвать его на своем родном языке.

Они молча уставились друг на друга. Наконец герцог проговорил:

— Ваш брат будет здесь с минуты на минуту, мисс Фиори. И он будет изрядно зол и без того, так что ему лучше не видеть ваши окровавленные руки.

Джулиана со вздохом кивнула. Герцог был прав, разумеется.

— Будет больно, — сказал он. И тут же провел большим пальцем по ее ладони, покрытой коркой запекшейся крови.

При его прикосновении девушка невольно вздрогнула, и герцог вскинул на нее глаза.

— Прошу прощения, мисс Фиори.

Джулиана не ответила — притворилась, что внимательно разглядывает другую руку. Она не собиралась признаваться, что вздрогнула вовсе не от боли.

Конечно же, она ожидала этой своей реакции. Такое происходило с ней всякий раз, как она видела его. Она вздрагивала от отвращения — от чего же еще? Немыслимо даже допустить, что это могло быть что-то другое.

Пытаясь воспринимать происходящее бесстрастно, Джулиана посмотрела на их соприкасавшиеся руки. И тут же в комнате вдруг стало теплее. Как замороженная следила она за длинными пальцами герцога. Когда же подняла глаза, то обнаружила, что он уставился на ужасного вида синяк на ее запястье.

— Вы скажете мне, кто сделал это с вами.